

Ernest. A

Изверги суровых 90-х

18+

Алмаз Эрнисов

Изверги суровых 90-х

«Автор»

2026

Эрнисов А.

Изверги суровых 90-х / А. Эрнисов — «Автор», 2026

Исторический боевик, криминальный роман о суровых 90-х в России, где частый свинцовый беспредел, рейдерство и кровавый грязный бизнес. Братва делит город, а менты закрывают глаза.

© Эрнисов А., 2026

© Автор, 2026

Алмаз Эрнисов

Изверги суровых 90-х

Название книги: Изверги суровых 90-х

Автор: Эрнисов Алмаз

Жанр: Боевик, Криминал, Детектив

Пролог

Всё началось ещё в прошлом веке, когда наши деды воспылали очередным желанием построить новый справедливый или даже как они тогда думали совершенный мир; когда у невероятно терпеливого народа, наконец, лопнуло его терпение и он решил под гиканье кучки мерзавцев, как обычно возглавивших его поломать ход истории и позволить собственноручно провести очередной «лабораторный опыт» над собой; когда после «грандиозного» государственного переворота над ним самим ещё потом довольно долгий срок (семьдесят лет!) глумились...

И он (народ) весь этот срок опять терпеливо ждал и вкалывал, обманываясь с удовольствием (а с удовольствием как говорят всегда дороже!) превращался в ту серую массу уставших от собственного самопожертвования людей, наконец, получил ту метаморфозу коей и любуется сегодня со своей изумлённой «физиономии». Царей менял на «царей»; цепи на кандалы; несправедливость, открытую на несправедливость прикрытую.

Вот это всегда изумляло! Сначала разбаловать правительство до неприличия чтобы, потом, накопив огромную кучу обид, недомолвок, недовольства им — неожиданно взбеситься, получив определённую кучу неприятных духовных и физических увечий всё-таки начать (снова и снова) новую жизнь. Мы, наверное, мазохисты что ли? Мы сперва усиленно испокон веков сами себе создаём все различные проблемы, чтобы затем с пионерским усердием целенаправленно решать их. И как ни странно вот уже тысячелетие (и наверняка не одно!) живём так. К примеру, читая хотя бы тех же классиков, убеждаешься в этом. И живём, с таким непонятным для остального мира рвением неистовым упоением — нисколько не теряя искренности в своём деянии.

И правда! Порой нас не понимает: ни вечно рвущийся к цивилизованности — запад, ни хранящий тайну древности — восток, ни тем более не замечающие свою необыкновенность — мы. Тем не менее, мы не кичимся этим — мы даже как-то снисходительно отрекаемся от своей исключительности — вроде как бы даже стыдимся её, предпочитая первостепенному своему: либо западное, либо восточное. И ничего... Те с удовольствием принимают наше уважение, не возмущаются (как делали бы мы и делаем, во всяком случае, в душе).

Я вот вспоминаю 1985 год. Мы же вроде как до этого и не замечали, насколько плохо живём. Может потому что всем скопом? Как говорят: «На миру и смерть красна!» — что нам тогда бедность?! «Свято место — пусто не бывает». Потому материальную бедность заменяли богатством души и грамотностью. Говорил вождь пролетариата В.И.Ульянов (Ленин): знание — сила. Вот мы и «накачивали мускулы» мозга.

А теперь?! Объяснили нам, якобы счастье-то оказывается совсем не в этом, а в количестве денег, которыми ты располагаешь для приобретения материальных благ. Не то чтобы кто-то нам объяснял, мы сами вдруг наострились на это, глядя на «прогнивший» запад. Мы вообще жили почти по принципам аскетизма. Тогда и Шолохов-то воспринимался совершенно с противоположной стороны понимания. Зато сейчас его строки читаешь с уничтожающим ужасом.

Как начали (на государственном уровне) войну в 17-м году против богатых так и вели её впоследствии до самого 85-го, пока новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв не удосужился начать «ускоренную перестройку».

В начале-то всё двигалось широко — помпезно! Это потом к всеобщему «удивлению» оказалось, что советская экономика уже давно отыграла похоронный марш — верней по ней отыграли — а до этого все почему-то хоть и предчувствовали подвох, всё-таки упорно ждали КОММУНИЗМА. Так как развитой социализм уже — так же! — давно случился. (Об этом трубили и рапортовали все газеты). Почему — так же? — спросите вы. Да потому что простите меня за элементарную меркантильность, но на торговых прилавках в магазинах для такой огромной страны было шаром покати, зато давно осваивали космос и пугали мир ядерными ракетами. И вот этот нищий народ снова стоит на распутье, народ: прошедший гражданскую войну, вымиравший при коллективизации от разрухи и голода, прошедший «колючую проволоку» Гулага, победивший фашизм, освоивший целину и вообще привыкший «как-тось» выживать, что при татаро-монгольском иге, что при «коммунистах».

Опять спросите меня, а почему в кавычках? Отвечу. Потому как знал несмотря ни на что честнейших людей среди них. Да и суть не в этом! Можно подумать, что экономика строится на одной честности и порядочности. (Если бы только!). Утопия! Она и есть утопия... и — никуда от неё не денешься. Нравится или не нравится, но до коллективного устройства надо морально дорасти ещё, надо измениться внутренне — духовно, когда своё естественным путём само собой становится общим, а не тогда когда его навязывают из-под палки. За частную собственность даже дети делятся тумаками, совершенно не имея никаких ещё представлений о собственности, да и вообще ещё не зная быта и устоев земли. Согласитесь, они просто говорят: «Моё!» и всё — и никаких гвоздей. Хотя на самом деле, это совсем даже (как может оказаться впоследствии!) не их вещь. А просто она им прилюбилась. Ну, вот и думай здесь.

Но речь свою повести я хочу совершенно не о политике. (Да Боже упаси!) Скорей о её удручающих последствиях. Каждый, мало-мальски поживший в те «старые добрые времена». Немного подышавший тем «сжатым воздухом» застойных времён и ощутивший на своей собственной шкуре тот «железный занавес» ту своеобразную атмосферу недостижимости и недоступности «дикого запада» с его претенциозной культурой подтвердит, не кривя душой, что именно для неё (души!) тогда было гораздо больше положительных предпосылок, нежели сейчас. Хотя общество в целом являлось официально атеистическим. Казалось бы, откуда могут взяться такие понятия: как доброта, взаимовыручка, альтруизм... и многое другое тому подобное. Не хочу утверждать, что оставшиеся осколки религий способствовали этому. Хотя детей посвящали тайно в ту или иную, в зависимости от национальности и каких-либо других обстоятельств, религию. И это было в порядке вещей. Атеизм и религии шли негласно — рука об руку — в этом своеобразном обществе. Вот я, например, как и многие другие мои ровесники был крещён в православной христианской церкви, несмотря на то, что отец мой был убеждённый коммунист — свято веривший в светлое будущее коммунизма. Его (коммунизма) кстати, казалось вообще все «с минуты на минуту» ждали. Ждали как чудо. Как «манну небесную». Все предрекали — вот-вот и ОН настанет. Откуда? С чего вдруг?! Не знаю! Но я тоже верил.

В ночь на пасху молодёжь скрытно проникала на территорию церкви больше, чтобы удовлетворить своё любопытство, чем вникнуть в суть церемонии. Повсеместно: красили куриные яйца, стучались ими, катали... Администрацией создавались специальные дружины для поимки молодёжи на подобных религиозных мероприятиях. Нельзя было их посещать! Пойманных — наказывали. Не принимали в пионеры, в комсомол... И это было серьёзным наказанием.

О детях беспокоились. Слабым здоровьем: бесплатно давали в школьной столовой молоко, отправляли в санатории и оздоровительные лагеря отдыха, периодически проводили медицинские обследования. Да и вообще, каждого воспитывали в духе честного и добросо-

вестного, юного ленинца, который должен будет заменить своих старших товарищей в борьбе за светлое будущее трудового народа всего мира. И все твёрдо верили, что пролетарии всех стран должны — действительно соединиться.

Кроме того, огромную роль в повседневной жизни трудящихся играла советская цензура. (Ибо не работающих не было, а если и были, то тунеядцы и их непременно сажали в тюрьму.) Цензура, она особенно остро несла свою вахту (и днём и ночью) оберегая внутреннее содержание и внешний облик нового человека. Человека будущего. Телевидение, радио, литература — вся культура! — к тому же пресса в любом её качестве всё преподносилось исключительно в рамках воспитания этого человека. Да и не только казалось, а большинство и в самом деле таковыми являлись: честными, морально устойчивыми, готовыми к взаимовыручке и в любой момент делившимися с товарищем последним, а самое главное способными в беде — «закрыть свою Родину грудью».

Прекрасные качества! И они в большинстве своём действительно были. Так думал тогда и думаю я сейчас о том времени. Как много было именно тогда всего такого: чистого, прекрасного, доброго... Вообще отрицательное тогда — скорее было случайным, чем закономерным. Может мы и в самом деле понапрасну поторопились, опять безоговорочно сразу разрушили старое, не подготовив ничего нового. Ломать — не строить! Что ж мы такие теперь нетерпеливые? Ведь был у нас уже пример Нэпа, которым в настоящий момент воспользовались китайцы.

Нет! Нам уже так не надо... Мы «по-русски»... Надо же, даже эта фраза и — то уже звучит как-то неприятно, вызывая широкую дисгармонию в окружающей среде; несколько отрицательное предвзятое преподнесённое ожидание; заранее готовя нас к напряжению. А ведь абсолютно ясно, что каждый хочет жить как можно лучше. Жить, по меньшей мере, хорошо, но мы — глядя на нас — как будто разучились... Или неужели не умели?

Теперь происходит обратное, тому — чего с таким трудом в своё время добивались всем обществом. Пусть не совсем правильным обществом (с экономической точки зрения), но зато всё-таки гораздо добрее нынешнего.

Когда началась перестройка, многие люди оказались на обочине её — ещё неизведанного пути движения. Люди оказались абсолютно не готовыми к новым, теперь наступавшим преобразованиям. Многие, ставшее за годыковки нового человека враждебным, странным образом вдруг ожило и приобрело сейчас уже невинный характер. Спекулянты (фарцовщики) стали вполне безобидными коммерсантами. И это в то время когда в тюрьмах ещё отбывали свои весьма длительные сроки за свою самостоятельную «коммерческую» деятельность вне закона некоторые наши товарищи и родственники.

Всё перекрутилось. Люди, способные взяться за какое-нибудь ремесло, открывали кооперативы или занимались индивидуальной трудовой деятельностью, а те, кто пошустрее и чуть пронырливее — позже своим делом (business). Неоспоримое большинство — растерялись. Теряли инициативу, но надо было кроме всего прочего как-то жить: питаться, одеваться, сначала хотя бы попросту выжить. Тут даже как говорится: не до жиру — быть бы живу!

А некоторые в глубоком отчаянии переступали закон и амбиции «кодекса совести». Таким образом, сначала опускаясь в собственных глазах, но впоследствии уже увязнув и несколько привыкнув к этому преступному статусу в глазах мечущегося общества (теперь уже даже упиваясь своей «значимостью»!) беспардонно продолжали эту деятельность с бурным энтузиазмом. А им, собственно говоря, ничего другого и не оставалось. Судьба, да и общество бросили их в кювет с такой лёгкостью, что было бы весьма удивительно их обзирать в иной интерпретации, то есть в жалком облике стоящих на паперти и просящих подаяния. Они посвятили свою жизнь (в своё время) советскому спорту... И вот эти, здоровые, крепкие парни оказались как таковые совершенно не у дел. Даже песенка-прибаутка появилась тогда: «Были мы спортсмены, а ныне рэкетмены...».

Вместе с берлинской стеной были разрушены и идеологические преграды. Представьте, как эта огромная глыба всякой всячины вдруг обрушилась на неподготовленные и нисколько не ожидавшие такого поворота в политике умы (некогда ещё «затворников») вот такой вот губительной (распылённой) новизны. Что от полученных «наркотических» доз информации лопнули ранее нажитые принципы и суждения, превратившись в шелуху совдепа. Можете себе представить эту запутанную противоречивость в разных умах. И — как?! брошенные на произвол судьбы люди теперь начинали думать обо всей этой галиматье. Отнюдь! не упрекая себя нисколько за своё отступничество — а напротив! — «возвышаясь» в своих и чужих глазах, вставая на пьедестал «вольного человека» — «Робин Гуда».

Воля только эта заключалась в своеволии. В дальнейшем, будучи названной «безбашенным», «отморожением» и другими народными эпитетами. Кто не умел зарабатывать трудом и умом — тот зарабатывал силой и наглостью. И это, даже вначале поощрялось в народе, прикладным определением, ведь коммерсанты ещё совсем недавно были врагами, туда же относились и кооператоры. Ещё жил в душах — дух революции.

Народ, по неизвестным причинам по-прежнему отрицательно относился к людям, самостоятельно ведущим свои дела без участия в них государства. Кооператор долгое время находился в списке отрицательных лиц. Товаров по-прежнему не было — особенно качественных и поэтому приходилось местным производителям — идти на различные уловки, скрывая отечественность товара липовыми лейблами зарубежных стран.

Постепенно окружающий мир торговли прогрессировал. В конце концов, производство стало нерентабельным и его, поглотив, захватило в свои руки посредническое проявление. Спекулянты переродились в «челноков» (кстати, невероятных тружеников) отчего рынок перенасытился дешёвым и некачественным товаром. Надо было, как можно дешевле оптом купить и как можно дороже в розницу продать. И вот рынок всё-таки перенасытился. Появилась нелепая видимость некоего изобилия, что бесспорно непривычно для «изголодавшегося» глаза обывателя. Народ вникал в новую жизнь. Новое мировоззрение пронизывало последние остатки «совдеповского» кинематографа.

Недостаточно осуждённый бандитизм, приобрёл имидж — авантюры, приключений... а самое главное — достатка. На этом-то всё и завертелось, что мною и предполагается быть отмеченным.

Очень неожиданно для всех простолюдинов распался огромный Советский Союз. Предстал у власти новой страны первый президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин. Союз распался, преобразовавшись сначала в Союз Независимых Государств (экономически невыгодным для всех его обитателей-стран, а в первую очередь для России) а потому впоследствии именовался таковым лишь формально — и, в конце концов, совсем рассыпался. Даже сама новая Россия была в зыбком состоянии — ибо могла в любой момент раздробиться на множество мелких княжеств. Казалось, если бы в США знали бы об этом, они бы нас могли захватить голыми руками.

В стране господствовал — такой! — хаос, что порой с трудом верилось вообще в существование страны. Все алкали, поделить страну как огромную тушу убитого животного. Отрезать от него самый большой (и жирный) кусок. Обострилась межнациональная рознь. Кровавая бойня в Чечне. Повсеместно, шли распределительные войны между бандитскими группировками. Каждая, цеплялась за свою сферу влияния и норовила, отчеккрыжить чего-нибудь от чужой. Формально, правительство с помощью «ваучеров» начало эту деятельность, ещё усугубив ситуацию — обострив её нагнетание.

Первая глава: Геннадий Николаевич — бывший профессор

Они с «Фомичом» (как звали его по имени или никто не помнил или просто не хотел знать, а кто знал, всё равно по обыкновению так же величал) постоянно уже в течение года лазают по помойкам в поисках каких-либо продуктов пригодных для использования таковых — как пропитание. А так же всяких различных вещичек: старых телевизоров, холодильников и другой ерунды, где можно разжиться цветным металлом, раскурочив их. Затем сдать его в приёмный пункт и наконец, уже на вырученные деньги приобрести в аптеке дешёвый «боярышник» (настойка на спирту) и в очередной раз — опохмелиться.

«Больные» люди — ищут «лекарство». Этот процесс они выполняют как зомби. Вполне привычно и мастеровито. Фомич хоть и на N-Ное количество лет был постарше его, но и невзирая даже на обильное употребление алкоголя довольно-таки шустро проводил свои поисковые манипуляции на зависть всякому молодому. Зачастую к ним присоединялись другие такие же «больные» бездомные или опустившиеся «товарищи по оружию» и они сообща всей гурьбой рыскали по помойкам с одной и той же целью. В настоящее время они промышляли вдвоём.

Ген-Ник (так его звали почему-то все, кто знал его ещё как Геннадия Николаевича в прошлом, когда он ещё был профессором и преподавал в политехническом институте механику или же звали его так слепо, уже отдаваясь всеобщей привычке) он сейчас стоял в некоторой задумчивости поодаль. В данный момент на вид ему можно было смело дать лет полста не меньше, но и это первое впечатление иногда неожиданно меняется то в одну, то в другую сторону. В конце концов, представляя его человеком неопределённого возраста.

А и, правда! Он выглядел то до неприличия молодым юнцом с какими-то неправдоподобными взглядами на современную жизнь: веруя в Бога и преклоняясь перед ним (часто-часто испуганно крестясь); то виделся уставшим во всём стариком весьма практичным атеистом уже не верившим ни в судьбоносность событий, ни в их предопределение. Вообще толком никто не знал его жизненной истории. Вроде только кто-то (да и он сам) иногда вдруг то ли невзначай вспомнят, то ли брякнут о его преподавательской деятельности вскользь и — всё! Он не любил особо распространяться о себе, вроде как бы неприятно ему теперь об этом вспоминать... Да никого собственно и не интересовало его прошлое. Главное что в нём ценили так это то, что он был всегда спокоен, рассудителен и невраждебен, неважно пьян он или трезв. Случалось иногда очень редко, когда бывал он удивительно нервным расчётливым даже в некоторой степени жадным, но никогда злым, а потому зачастую забавляющим всех его окружающих «товарищей по несчастью».

А несчастья у каждого были свои: кто-то спивался (как они считали) из-за жены или тётки; кто-то из-за сложившейся политической и экономической ситуации в стране; кто-то по поводу из солидарности к угнетённым трудовым массам, обманутым и обездоленным жуликами всех слоёв и «концессий»; у кого-то ежедневно «штурмом бралась Бастилия»; кто-то ещё чего-то придумывал, а кто-то по прямому стечению обстоятельств судьбы к коим и относился наш Ген-Ник. Но только он один, наверное, из всей этой пьющей шатии-братии твёрдо знал (или думал, во всяком случае, что знает), что временные неудобства запоев как неожиданно начались так неожиданно и закончатся предопределённые свыше. Это он ещё рассчитал когда-то давно, будучи студентом, хотя и не предполагал, что это окажется уж слишком так неприятно.

Так или иначе, он верил, что всё, что с ним происходит в тот или иной момент есть всего лишь неизбежный очередной эпизод его необычной судьбы, а потому безропотно предавался её воле и стойко переносил все тяготы и лишения любых независимо от их сложности и каверзости обстоятельств. Считая, что покорного — судьба ведёт, а непокорного — тащит. И честно говоря, он в этом черпал неиссякаемую силу для проживания всяких происходивших перипетий теперь и должных произойти с ним в будущем.

Обитали они с Фомичом сейчас в старой полуразрушенной деревянной хибаре Фомича. Своего жилья и прописки (то бишь регистрации) в паспорте Ген-Ника не было как впрочем,

и самого паспорта тоже не было уже довольно-таки длительный срок; он даже при нужде и припомнить-то не сможет, ежели приспичит. Ему будет очень трудно назвать точную дату конкретного отчуждения себя как от квартиры, так и в частности от самого документа. И всё это благодаря «добрым людям» или правильнее мошенникам коих в народе позже только стали обзывать «чёрными риэлторами». Поэтому вот уже три года он ночует, где придётся, а точнее у таких же бедолаг, как и он сам. Родственников у него не было, а если и были то где-то далеко, говорят, вроде как, в Сибири. Вроде как старшая родная сестра.

— Увай!.. Надо же, как повезло... клад! — доставая из мусорного ящика огромный чемодан, Фомич даже от восторга зацокал языком, предвкушая важность находки. Тут он, кряхтя, присел пред «хранителем тайн» на корточки и, достав рабочий нож начал ковырять им замок этого громадного «сим-сим». Тот совсем не сопротивлялся, раскрыл свои никчёмные дары без сожаления через несколько секунд, как будто опасался более жестокого к себе обращения.

— Ну, ё-моё! Припарки... — разочарованный Фомич, увидев скомканные старые обои с раздражением, безжалостно раскидал их вокруг себя на расстоянии пяти метров и с ожесточением принялся сначала втыкать свой нож в чемодан как в тушу недобитого животного, а затем не менее остервенело пинать старую вещь. («И хочется ему?...» — рассеянно тем временем думал Ген-Ник, пока тот измывался над вещью и собой.) Если бы она (вещь) была живой, она непременно бы заплакала. Но он (чемодан) безмолвно переносил незаслуженные побои и унижения. Ген-Ника иногда очень серьёзно раздражала непредсказуемо-излишняя эксцентричность поведения Фомича, и он поторопился облагородить разребячевшегося товарища, предложив ему свою руководящую помощь в продолжение поисков «полезных ископаемых» мусорных контейнеров.

За этими делами они проводят большее время суток, но никогда не бывало, чтобы безуспешно. Люди много выбрасывают хороших вещей. Одних только телевизоров и стиральных машин у Фомича в доме было бы уже несколько десятков, но все они в своё время были дикарски раскурочены. Хотя и будучи выброшенными (в смысле: вынесенными и аккуратно поставленными для тех, кто победней) они изначально почти наверняка имели вполне рабочее состояние. При необходимой-то смекалке и расторопности?..

Тут Фомича отвлек от его увлекательного занятия сначала неподалёку дикий — пронзительный — нечеловеческий визг потом резкие свистящие фырканы и наконец, истошный леденящий вой как будто умирающего животного с последующим после этого громким развесёлым смехом... Десятилетки-пацаны в компании пяти особей живодёрничали над зажавшимся в комок облезлым грязным котом. Всё это у них (до противного) получалось, безусловно, ловко, словно упражнялись они в этом каждый день с глубокого детства. Получив некоторое удовлетворение от этого занятия, и нахохотавшись вдоволь, пацаны гурьбой двинулись прочь вдоль мрачной улицы в поисках новых развлечений. Нет, они не искали новой жертвы, просто им совершенно нечем было себя занять. Они были на всё свободное от занятий в школе время предоставлены самим себе, а кроме того каждый из них чувствовал себя в такие моменты — героем западного вестерна. А потому всячески старался, подражая жестоким героям фильмов как-то выделиться из толпы. По их мнению, дабы не упасть лицом в грязь. Бездействие угнетает сильнее всего молодые тела этой лучшей части человечества. Появившееся изобилие с некоторых пор на экранах телевидения информации насилия ужасно разлагает детские умы и сердца — призывая их к тупому подражанию.

С нескрываемым испугом и в тоже время, шаловливым любопытством проводив взглядом шумную компанию подростков, Фомич все-таки, наконец, мысленно вернулся к своему занятию. Сосредоточиваясь снова на своей миссии. При этом многозначительно жестикулируя руками и подкрепляя эту динамику философскими рассуждениями о «необузданной жестокости малолетних индивидуумов в виду неправильного их воспитания и неоправданного баловства представителей всех новых поколений».

— ... От добра — добра не ищут... Ведь эти, нынешние балбесы (он так выразился потому, что и себя по молодости тоже считал — балбесом, как и всю молодёжь) ни хрена не ведают: ни холода, ни голода... Живут, мляди, можно сказать, на всём готовеньком... трёт твою мать... Вона какие! оболтусы нежалостливые растут... едит твою налево... Скажешь, не прав я?! Юшкин кот... Ваще, люди, скурвились, озлобились... едрическая сила... жадные стали, тьфу на них, суки и есть суки!.. Во-о-о пля!!! Фуруооор...

Фомич увидел в стороне от мусорных контейнеров несколько скрытую в густых кустах бузины одиноко стоящую старую стиральную машину и опрометью бросился к ней. Ген-Ник задумчиво направился к нему. (Дело в том, что он давно её уже приметил, но всё это время молчал. Почему? Сам не знает, наверное, посчитал, куда ей деться-то?! — не убежит или ещё как может быть до странности.) Он уже знал, что через пару часов у них будет, и опохмелка и чего-нибудь пожевать. Опыт ещё никогда не подводил его даже после лёгкого визуального осмотра. Настроение заметно улучшалось.

— Ну, Ген-Ник, давай, подсоби малость... щас мы тя родимая... бляха-муха! — они вместе под эти возгласы схватили с двух сторон агрегат и проворно поволокли его восояси. Находка полностью удовлетворяла их потребности. Это была старая ещё советских времён стиральная машинка, щедро напичканная цветным металлом. Да! в те «старые добрые времена» не скупилась на оснащение электроприборов «цветметом», который теперь доброй памятью платит бездомным и «болеющим» относительно лёгким пропитанием и «чаркой» живительной смеси поутру. Всё происходило на редкость однообразно. Сначала пару часов изнурительно-привычного колупания с предметом общего внимания. Затем торжественный вынос содержимого внутренностей того или иного агрегата в пункт (прямого назначения) приёма цветного металла. И наконец, весёлая прогулка: либо до полулегальной «точки» продажи самогона; либо спиртового суррогата или уж походом за самым популярным в алкогольном мире «боярышником» в аптеку. Всё это только происходило уже с некоторым ярким всплеском искреннего пафоса.

Вот они уже радостные пришли назад. Быстренько собрали на стол так называемую закуску, безвозмездно предоставленную им мусорными контейнерами. Уже спешно отваривалась «в мундире» слегка вялая проросшая картошка, ломался почерствевший слегка покрытый плесенью хлеб, кое-какие ещё добрые находки... Витиевато был разложен зелёный полудиккий лук с «огорода». Короче говоря, стол ломился... но самое главное чинно стояли две полулитровые бутылки с алкоголем. Создавалось приятное впечатление очередного праздника. После первой дозы «лекарства» соизволил завязаться типический разговор. Сначала «о том — о сём», а потом обретая с каждой новой порцией спиртного уже убедительную твёрдость и, в конце концов, перейдя даже в более-менее теперь активные порой охватывающие самые необычные темы взаимные рассуждения. Житейские вопросы никак не обходили стороной когда-то ещё живших человеческой жизнью людей.

— Ну что, ты вчерась-то ходил на базу... берут грузчиком? Чё мне-то, ничё не рассказал? Берут, блин... без прописки на подёнку-то?

— Ага... Щаззз... — возмутился Ген-Ник, — я им тычу диплом о высшем образовании... Говорю, мол, паспорта вот только нет... А они мне глядя как на вошь. На какой, мол, помойке нашёл? А у меня сам знаешь, никаких документов больше нет.

— Да, ну!.. едит твою налево... Я уже давно не тыркаюсь в эти дырки. Какая там хрена батраловка... Эти финдарюги тока и думают, как объегорить честного человека... Кругом одно объедралово! Вон! Этот... как его... Игорёк, месяц отъефрашил. И что?! Обещали мильёны... получил пинка под зад. Запах от ваас, видите ли, непристойный исхооодит, а он младшого в армию тока спровадил. Жена хвора, тесть и тёща пенсии уже полгода не видали, мать помёрла месяц назад, а отец крякнул уже давно. То ли восемь, то ли десять годков назад... точно не помню. Вот и делай, чё хошь. Старшой сын зону топчет второй год за вымогательство (тоже

передачек просит!). Как его?.. Рикет... Куда катится страна?.. Эт мы, с тобой, неприкаянные. Живём... куда глаза поведут. Нет, ни ответственности тебе... ничего другого. Помрём... никто и не вспомнит о нас... — и они тут (машинально под эти слова) даже не сговариваясь, добавили ещё понемногу (по сто где-то) и он, крикнув смачно, певуче продолжил:

— Щастье-то како!.. Слухай, вот скажи на милость, добр человек... Что такое щастье? Как стать щасливым-то вот?.. и чё ваще означает — быть щасливым!.. Ведь вот... одному положим — щастье это купаться в золоте... как Скрудж мак-Дак... Помнишь, в мультике? Давечь по телику много чего загранишного американишнего показывать стали... Ну, дак вот, а другому щастье... (тут он мечтательно закатил глаза, в потолок сладенько улыбаясь) великое щастье! — это босяком прогуляться под дождём на сытый желудок... как тогда, сразу после войны, в малолетстве, бывало, помню пацаньём!..

Тут послышались гулкие шаги где-то рядом за стеной, кто-то стремительно шёл по коридору. Торопливый топот то сначала удалился, а затем с новой силой раздался уже всё ближе и ближе к комнате; с некоторым запаздыванием страшно громыхнула входная дверь брошенная пришедшим и наконец, появился сам «пришелец». Пришелец или завсегдатай как всегда утомлённый и чем-то явно озабоченный мужчинка. Внешне больше похожий на обыкновенного алкаша с типичным для такового синюшным лицом. Он, зябко шурясь, вошёл в комнату и, вытащив из-за пазухи шкалик с аналогичной смесью пробурчал:

— Ф-фомич! К табе м-можно? А то я... моя визжит б-белугой... кидаца тигрицей... чуть пузырь... отняла бы... разкукошила бы на фиг, д-дура. А я ваще сдыхаю...

— Заходь, заходь, Николаш! Мы вот тоже уже лечимся, — добродушно пробурчал Фомич, указывая на свободный стул, — милости просим до нашего шалашу.

Некоторое время они молчаливо наблюдали, как тот мелко трясясь, «прошкондылял» к указанному стулу неуклюже переступая «свинцовыми» ногами. Плюхнулся на него, дотянулся, постанывая до порожнего стакана и с трудом откупорив бутылку, звякая дробно стаканом и тарой, друг от друга, наполнил стакан. А затем, крепко зажмурившись, самоотверженно вылил его содержимое одним махом в своё опухшее лицо. Секунды три, а может и больше Николай, застыв с немыслимой гримасой, в раскорячено ожидающей позе испуганно сидел, как заяц готовый в любой момент сорваться с места. И вот вдруг вскочил невероятно быстро. Помчался при этом, раскачиваясь из стороны в сторону, растопырив руки, усердно как бы держась за воздух и в тоже время с видом азартного ловца важной добычи ломанулся прыжками похожими на задорный танец даже капельку потешно (как могло показаться, выпендриваясь в прихожую). Но, более уже не удержав там вдруг выпростал всё в тёмный захламлённый угол прихожей, злобно рыча и истошно подвывая. За учинённый порядку и чистоте вред никто не переживал. Об этом здесь вообще никто и никогда не беспокоился. В помещении давно не прибирались. Жидкое — само высыхало и истлевало, а мусор «прятался» от ног по углам или ненароком выпинался теми же ногами на улицу.

Ген-Ник и Фомич с пониманием переглянулись. Они знавали такое состояние. Слушая его переливчатые завывания, невольно вспоминаются мысли о нашем русском мазохизме. И они (эти мысли) совсем уже не кажутся такими надуманными. Фомич и Ген-Ник многозначительно с явным пониманием и сочувствием ещё раз переглянулись; каждый по-своему выразив отношение к данной ситуации. Мимикой и как бы несколько шутливо грозя друг другу пальчиками, терпеливо ждали завершения неприятного сюжета. Наконец хаотические всхлипы и бурные рычания сменились тишиной.

— Ва-а-а!!! — неожиданно донеслось из-за «кулис», затем сплюнув и кашлянув, мученик появился с несуразной фразой, продекламировав её визгливым и неприятным голосом:

— Летят два крокодила: один на север, другой на юг. Зачем мне холодильник? если я не курю... Фомич, я там, в ведро како-то... — вот как раз с этими словами он и образовался в проёме дверей. Измученно разыскивая взглядом ненавистную посуду с постылым, но всё-таки

невероятно любимым содержимым жидкого вещества. Отыскав её, он засиял доблестной улыбкой победителя. Той же манерой, как и давеча, просочился свинцово-расплавленной походкой и снова упрямо бухнулся в стул. Напряжения никакого не было. Всё происходило не впервые. Никто ничего не говорил каждый ожидал того что и должно произойти. Молча Николай схватил бутылку уже теперь свирепой рукой и вылил остатки «водяры» в стакан. Перекрестился. Затем обхватив двумя трясущимися руками объект душевного внимания, запрокинув голову, повторил виртуозный элемент движения. Ожидания не были тягостными для присутствующих, все только коротко подбадривали его извечными словами: ну, держи... держи её... милочка... терпи... Бог терпел... и нам велел... сейчас она... приживётся...

И правда она («бодяга») прижилась... Сразу образовалась мимолётная суета; «ёла-пала»! появился новый проверенный «боями» собеседник. Николай и правда, изменившись цветом в лице (приятно побагровев!) быстро затараторил:

— Ну вот! А то моя поёт себе одно и то же — когда ж ты поганец «кони двинешь»! Измучил, щебечет, и меня и себя дармоед хренов; ха-ха-ха, загуляю скоро от тебя. Когда-а-а бросишь, юшку жрать и начнёшь, супружеский долг выполнять!? Короче... ха-ха... Это?! — я говорю ей, — хоть шас... А она мне: да больно нужен ты мне такой вонючий... какая дура с тобой ляжет-та?.. С уродом таким... ха-ха... — рассмеялся он, но не было веселья в его смехе, а скрежетал он скорей какой-то тоской и безысходностью.

— Аналогичный случай был у нас в колхозе... — продекламировал Фомич дежурную свою реплику, совершенно не претендуя на слушателей. Николай в своё время, не останавливаясь ни на миг, не слушая и не смотря даже в его сторону, продолжал свой блистательный рассказ:

— Представляете, что она сегодня утром учудила! Короче! Я вчера на кухне под мойкой корячился. «Колено» чинил. Засорился блин... мать-та твою! Цельный день возился. Шо ты думаешь?.. Сделал. Короче! Наменяю ей, так эт-то обмыть полагаца, инча «какую», «кердык» случица. Хы, отказала!.. Скотина. Ну, лады, кумекаю фиг с тобой. Не цапацашь с ёй! Пошкондылял к бабке Нюрке (она давеча кликала) — халтурку сулила. Короче! Ёй толчок колотый сменить надуть было; новым приборахлалилась, а сменить-то некому. Слесаря — бесы, толкует, дорого требуют. Короче! Ну, вот я и намылился... Думаю, а шо?.. Надж как-тось ситуацию раз-руливать. Ну, тот... вжить!.. Этой воздвигнул. Всё чин-чинарём, стало быть! Короче! Ясень день... охмелился блин... Правдась, опять переборщил! А поутряне... мать-та твою!.. снова, видимо, плохо... ещё хуже! Вот я сузыранку пока Галка дрыхла, шнысь с хаты и тягу к Нюрке. Мол, спасай мать, околею инач... в долг давай... отъеврашу! Разжился в «закуточной» «бояркой» — домой двигаю. Вертаюсь, короче, домой, а там моя стевра уже посёт мя. Ждётся! Руки в боки — и глазеет настырненько. Сразу врубился, кичу готовит, линиять надось. А та — як ворон крови... Чую хана тебе паря!.. Тякай! Короче, та и заявляют: ты, паскуда, за фиг мойку спортил... специально, паразит, вредность кажишь?! Мстишь шо ли? Я ей в недоумке: чевои-то ты, милая? (аж на нежности пробилло, аж взмок весь!). А она мне: знаю я тебя (глиста во фраке!), потому так рано и смылся... А сама так с интересом зенками уже по сторонам шарит... будто ищет чё... нашла, едрён корень! Хвать сковородищу, чугуний, и ко мне с интересом, много-обещающе так бочком крадётся. Мне-то ясно всё как бож-день стало, чё тут непонятного коли череп зачесался. И она тут... шипит: я тута муздыкалась... гипнотизирует сама!.. Дурачка нашла!.. воды три ведра сдюжила... соседи снизу жаловались — затопили их... Я ходу, сабразил, убьёт ведь стевра!.. По себе судит дура...

— А чё ты хотел, Коля?.. У сильного всегда бессильный виноват. Нынче бабы — у-у-у! — каки... Бабы они ваще... всяки категории у них... бывают глупенькие, а есть дуры... Я этот всегда подозревал. По своим... энтим... как их? гармунам так ведут ся... Нет! — могут быть: образованными — на первый взгляд — умницы, да и только... Но всё равно, дуры ведь — они и есть дуры, нет-нет, да сморозят шо-нибудь неразумное... — вразрез сунул свою речь

Фомич, — ихнее дело-то, како? Бабское! Рожать, да очаг сторожить. Марафет всякий на физьмониях малевать, чтобы самцов побогаче... едрить ту в корень... в свои силки заграбастать. Шмотки всяки напяливать... А щас ваще, шобы ещё и покладистым мужик был. На шею шоб взобраться, дак ножки свесить и болтать имя... Мля-я-ди! — закончил он, как бы отмахиваясь от несвоевременной проблемы.

Он вообще любил разговоры на всякие женские штучки только не в этом ракурсе. Его больше прельщали несколько слащавые и озорные так сказать женские темы: обсуждение поз, всяких различных позиций сексуального характера или как он сам выражался «в показухах». (Это когда на четвереньках они.) И только так представляли перед мужским судом. Что самое смешное! не был он каким-либо мачо или каким-то там — «половым гигантом». Но вот: то ли шибко ущемлённое самолюбие, то ли ещё чего разыгрывало в нём невероятную сексуальную озабоченность. Хотя как таковой таким совершенно не являлся и даже напротив, когда дело доходило до серьёзных сексуальных ситуаций, он оказывался вдруг особенно занятым. И непременно по обыкновению своему ускоренно ретировался. Причём выказывал при этом ужасное сожаление о случившемся.

Да и действительно женский вопрос хоть и был всегда самой волнующей темой, так сказать спросом, имеющим широчайший диапазон интересов и охватывающим завсегда огромный обзор суждений (в основном нося сексуальный и даже несколько грубоватый характер). Однако в данный момент (для него! — во всяком случае) вызывал только всего лишь некую несуразность даже в виде настолько уж слишком несерьёзного обсуждения, что Фомич с каким-то непритворным удовольствием отмахнулся теперь от него. (Или сделал таковой вид?)

Да, но где бы ни была затронута эта животрепещущая тема, она как заноза всегда вызывала и вызывает адекватный (слегка поперченный) разговор в любой мужской компании. Так и сейчас, всё-таки настойчиво (как и сами наши женщины!) эта задача не преминула призваться к обсуждению и в сей момент, выражая всеобщую мужскую зависимость в данном критическом негласном обоюдном правиле. Так было, так есть и так будет, пока существуют различия в полах.

Ныне хоть и теряется это обострение разнополых взаимоотношений за появлением странных проявлений извращённости, то есть гомосексуализма среди неопределённого числа некоторых лиц. Однако всё равно вряд ли окончательно вымрет гетеросексуализм, ибо человечеству при этом придётся: либо осваивать деторождение из пробирки, либо просто вымирать. Эмансипированные женщины сегодня уже не мечтают с детства о семье, детях, единственном муже... и других атрибутах (здорового) общества.

Сегодня они не нуждаются в мужской защите. Сегодня, агрессивная женщина сама смело взваливает на свои плечи, некогда бывшие ещё недавно мужскими некие обязанности, привыкая к ним. Они не только сравнились с нами своими правами, но и гораздо дальше шагнули как это обычно и бывает. Сегодня слабый пол первостепенно думает о карьере, бизнесе, блистательной славе... и другой совершенно противоположной своему природному статусу мишуре. Вот и эти, кстати, вопросы частенько охватываются весьма бурными обсуждениями этой компании.

Они много о чём вообще болтают в самый разгар своих этих прямолинейных дискуссий и не всегда моё мнение совпадает с их громкими рассуждениями. Трудно быть объективным в этом мире. Мужчины и женщины несообразно много творят друг для друга различных пакостей, чтобы выбрать ту или иную из сторон. Порой просто диву даёшься этим поступкам, и честно говоря, зачастую вообще не хочется касаться этой «кухни». Люди разных полов нередко обобщая, вообще безоглядно хаот и обвиняют противоположную сторону во всех грехах и бедах. Хотя и дураку ясно! — все хороши... Зачастую все подонки и мрази (если быть слишком строгим!) и невинны как ангелы (выбирая путь снисхождения). Что самое смешное и страшное так это то, что те и эти суждения верные. Стоит только каждому по внимательнее обратиться

внутри себя или внутри своей памяти и любой (почти любой!) согласится со мной, если не будет пытаться обманывать себя. Живя и друг другу «раздаривая» всякую дрянь (привыкая к этому, доведя это порой до правила) мы совершенно забываем о внутреннем голосе — голосе совести.

Вот и сейчас Николай чихвостит всю свою благоверную, а если разобраться: он сам — хорош гусь! Да какой женщине понравится такая непонятная семейная «рапсодия», как свою семейную жизнь частенько с гордостью в голосе называет Николай. Если и в самом деле все дела по домашнему быту «костью в горле» наверняка не у этого «синюшника», а у той женщины, о которой как раз и идёт речь. Кстати, промежду прочим многие нередко интересуются у Николая: «А что такое — рапсодия?». На что он, совершенно не конфузясь кратко всегда отвечает, причём не без гордости: «Книжки читать надо!» И таким образом слушая его обширные разглагольствования, невольно думается: странно, что она его вообще ещё до сих пор не выгнала. Я не буду сейчас вдаваться в подробности его бурного словоизлияния, потому что такое можно сейчас услышать в любом: будь то мужском, будь то женском, да будь хоть вообще в каком совместном пьяном сборищах. Тем более беседа всё больше и больше меняет курс своего течения. Уже двигаясь совершенно по-другому руслу.

Это Фомича охватывала-таки любимейшая тема, тема — женского бюста и коленей. Тема заводила его — будоражила до умопомрачения. А вообще разговор нёс какой-то разносторонний весьма разбросанный характер. Поэтому чтобы уловить его точную суть надо обладать утончённым (для трезвого человека!) умом и невероятно фантастическим терпением. Они конечно понимали друг друга абсолютно. И за разговор, может быть, легко пошли б даже (в данный момент) на смерть. Но вот записать бы их болтовню на магнитофон и дать послушать им запись завтра утром — перегрызли бы друг другу непременно глотки — учитывая на тот момент к тому же ещё и их состояние похмелья. Теперь их беседа как раз достигла самого апогея в своей значимости. Вопрос обсуждался хотя и на самом деле важный, но единственно он только несколько смущал своей формой изъяснения. Или даже лучше сказать содержанием ненормативной лексики. Я, правда, именно из-за этого — исключительно с целью оберегания вашего слуха опускаю многое из их разговора. Который активно вели Николай и Фомич. Ген-Ник лишь молча иногда кивал головой: соглашаясь или нет с диспутирующими.

Но вот они уже полчаса мусолят очень интересную тему, в которую Ген-Ник всё-таки решил внести своё мнение, даже несмотря на то, что они уже все порядком были пьяны. И говорили, зачастую размазывая слова чуть ли не по столу. Что умеют делать и как! — при том делать, исключительно, кстати, только лишь пьяные люди. Однако всё-таки не терялись: ни острота беседы, ни тем более её осмысленность. А суть её заключалась в сексе. Тут было столько приведено интересных фактов, что любой сексопатолог был бы даже смущён предлагаемыми способами достижения оргазма. Да что там говорить, знаменитая КАМА-СУТРА и та «расписалась бы» в своей непросвещённости. Честно говоря, это был полнейший пьяный бред. Хотя рассматривая «дискуссию» с точки зрения совершеннолетней части населения и переведя разговор на нормальный гражданский язык, чисто техническая сторона вопроса многих практиков могла бы даже привести в несомненный восторг и решилась бы уйма семейных проблем. Однако Ген-Ника очень многое приводило в недоумение. Он был человеком, пережившим немалую долю грехопадений (в своё время среди молоденьких студенток). И многое его выводило из себя не потому, что теперь ничего не хотел или не мог, а исключительно по нынешним своим морально-этическим убеждениям. И наконец, не выдержав, он, чуть не захлёбываясь словами заговорил:

— Секс — это и есть только секс — и ничего больше! Вот смотрите... Ни в ветхом завете, ни тем паче в новом вообще ничего о сексе не упоминается. Там говорится как? Живите по Божьим заветам, работайте и размножайтесь. Нет даже намёка о получении от этого какого-либо удовольствия. Сейчас же, всё переиначили, все ушли от Бога, сделали всё по-своему... Как себе удобнее... Я уж не говорю о каких-то там супружеских еженощных обязанностях.

Сейчас могут — запросто — встретиться молодые совершенно незнакомые люди и без всякого зазрения совести... без всяких проблем, как животные, обнюхают поначалу друг друга, потом даже облизать друг друга и аналогичным путём чуть ли ни тут же совокупиться. Да животные и то — совокупаются только для того, чтобы оставить потомство: раз или пару-тройку раз в году. Не более! Единственно, что нас отличает от бессловесных животных это то, что мы (людишки!) создаём своим половым отношениям красивый фасад (чуть ли выдавая не за святость!). Прикрывая им не то чтобы какой-то там звериный инстинкт, а свою откровенную похоть. Умасливая совесть каким-нибудь слащавым словечком, витиеватой фразой. Да что там красивые слова?! Тут вплоть до того что, дескать, научно! Медики вроде как — и то: утверждают, будто бы сношения полезны для здоровья. Либо само воздержание даже пагубно чем-то влияет на физиологическое состояние организма. Таким образом, отгораживаясь от моральной стороны вопроса некой ширмой. А на самом-то деле поступают как страусы, пряча только голову в песок от надвигающейся проблемы своего морального распутства. Развязности и распущенности. Всё встало с ног на голову! А секс как таковой, есть — не что иное, как тот же смертный грех — равный убийству.

Я даже не хочу ничего говорить о гомосексуалистах! Там, люди, явно ищут только обыкновенных удовольствий, растеряв при этом вообще какие-нибудь не то чтобы человеческие черты (в человеческом облике!), а даже отдаляясь духовностью от животных. Деградируя пусть не внешним обликом (да что вы! внешне они порой вроде бы даже божественны! зачастую) — коверкаясь духовно... Падая в пропасть пустоты... Глядя на этих людишек (иначе их и назвать не смею!) я порой начинаю верить в теорию Чарльза Дарвина о происхождении человека с его постепенной миллионно летней эволюцией. Хотя абсолютно уверен, что этот мир с его величием природы, космосом, и его бесконечной необъятностью и величайшим множеством звёзд воистину мог быть сотворён только Богом. Только Богом! А вы говорите супружеские обязанности...

— Ген-Ник! Давай не будем сейчас об этом. Давай о бабах! — перебил Ген-Ника Фомич. Фомич просто хорошо знал, что если тот сейчас разойдётся, «расфилосопствуется», то его уже будет трудно остановить, — давай просто о бабах!.. О наших дорогих стеврах... о сиськах... ляжках... письках-миськах... попках... кругленьких коленочках... и тому подобном...

Долго они ещё вели всякие беседы, пока не утомились и постепенно там же, наконец «вырубились» каждый в своём привычном пьяном амплуа.

Вторая глава: капитан Марочкин

Наконец закончилась эта ночь. Да! опять были эти убийства: непонятные, выделяющиеся необычной своей жестокостью и спецификой исполнения. Который раз местные грибники сообщают о новой и новой находке таковых. Закопанные стоймя обезглавленные тела вот уже полтора года пополняют этот страшный список. И нет никаких зацепок, даже опознать трупы никоим образом не удаётся. Главное, никто из родственников жертв за всё это время не обратился до сих пор в милицию с заявлением о пропаже родных. Прокуратура и милиция, находились всё это время на «ушах», работники обеих организаций с ног сбились, а всё без проку.

Начальство «брызгало слюной», подчинённый им следственный аппарат с его опытными кадрами в растерянности почти единогласно «пожимал плечами» и в недоумении «расписывался» в некомпетентности. Двенадцать безымянных трупов не столько смердели своей вонью, сколько навивали страх на всю округу... Так, вроде бы, должно быть! Но этого отнюдь тоже не происходило. Что-то проблёскивало в прессе, но никто на удивление в этой всеобщей суматохе или не слышал или, услышав, всё-таки не придавал особого значения происходящим событиям за своей чрезвычайной занятостью.

Люди гибли, умирали и без того каждый день в суровой взаимно конкурирующей жизни. Казалось, ошалевшие граждане легко прощались с ней. (По сути, негласно шла «гражданская война».) Создавалось такое обманчивое впечатление, что люди как будто были даже рады такому стечению обстоятельств — каждый или скажем, каждая семья вместе или порознь все бились за своё существование под солнцем. Все спешили, как сумасшедшие и в первую очередь само государство торопилось как можно скорее обогатиться, невзирая на потери. Никто не гнушался ничем.

Поначалу, три найденных трупа вообще никоим образом не произвели на общество никакого обстоятельного впечатления. Ни странность захоронения, ни жестокость как таковые не подействовали подобающим образом даже на государственные силовые структуры и его правозащитные органы. И только уже четвёртый «подснежник» заставил обратить на себя хоть какое-то адекватное на первый взгляд внимание со стороны тех, кому об этом следовало бы давно уже знать гораздо больше простолюдинов. Даже, наконец, проявить в том направлении конкретные соответствующие действия. И вот, казалось бы, последствия не замедлили сказаться. В разработку теперь были вовлечены особые службы. (Как было, во всяком случае, объявлено по местному каналу телевидения.) Но и это не дало никаких положительных результатов.

Даже милые собачки, поисковые служебные собачки, только усугубили положение и так в глубокой степени уже необычайно запущенной ситуации. То есть было найдено ещё шесть неприятных объектов аналогичного захоронения. Каким-то образом, (хотя и нет ничего удивительного!) информация так-таки добрела до Москвы, благо она рядом. Вот тут-то и начался весь «сыр-бор» однако снова и снова не повлёкший за собой абсолютно никаких новых положительных изменений, а только дополнительно внёсший лишь излишний шум и нервотрёпку. Органы местной государственной власти «кипели всесторонней инициативой», а как говорят, любая инициатива наказуема, следовательно, опять все бездействовали и только старательно делали излишне суетливый и больше визуально озабоченный вид. Перед кем?.. Зачем?! Шут его знает!

Народ безмолвствовал, стараясь по-прежнему, просто выживать. Это кстати всех устраивало. Прокуратура и милиция, тоже имели свои семьи, которые не меньше других зависели от привычки: хорошо одеваться и не менее хорошо кушать. Многие из их числа уже были полу тайно связаны с бандитами и почти откровенно вели двойную жизнь. Что нисколько не удручало: ни тех, ни других (хотя и относились к другу дружке с полу прикрытым презрением; но это отдельная тема!). В целом, тут не надо никаких особых разглагольствований, так как было ясно — как солнечным днём — господствовал беспредел!

Капитан Марочкин к своему удивлению почему-то ужасно не возлюбил свою работу. Хотя его начальство и коллеги считали его особенно опытным профессионалом. Но вот именно за последние годы или если быть точнее год он всё больше и больше в себе ощущал эту подчас странную, но и непримиримую к своей работе неприязнь. Не так он вёл свои дела раньше, раньше он их с особой любовью систематизировал, с каждым по отдельности проводил глубокий анализ, и уже отталкиваясь от этих логических умозаключений, делал правильные выводы... А что теперь? Куда ни сунься везде: либо преграда вышестоящего начальства, либо даже собственные коллеги — опера — вставляют всякие «палки в колёса».

Сильно воспаляло в нём разочарования это непременно повсеместное буквально всеобщее перевоплощение сотрудников в совершенно непонятную для сыска ипостась. Когда, кажется, каждый думает теперь только о том, как бы набить свой карман долларами, нежели раскрутить какое-нибудь интересное дело. Порой, доходя уже чуть ли даже не до откровенного «очковтирательства» с тем же, в сущности, излишне расчётливым итогом. Всё это было, по меньшей мере, противно.

Противно было всё: и эти вихляния, совокупленные с продажностью коллег и эти снующие обуреваемые элементарной жадностью — вечно голодные (как куры!) граждане. Собственная постоянно ноющая жена. Вечно требующие на что-то денег — сын и дочь... Эти грязные улицы с понурыми домами; эта дождливая дурацкая погода и тем более, дырявые — по обыкновению пустые — собственные карманы. Его всё раздражало! Даже то, что приходилось тщательно, скрывать ото всех своё постоянное, внутреннее, душевное напряжение. А самое главное: работа совершенно «не клеилась», ничего не получалось, и наконец, что самое-самое главное — ничего не хотелось делать. Не хотелось даже идти домой и слушать опять эти беспрестанные брюзжания «супружницы и спиногрызов». Хотелось, просто взять и застрелиться, чтобы никогда больше не видеть — этот безумный, опостылевший до мозга костей мир.

Он знал, тем не менее, что при всей такой ситуации всё равно никогда не смог бы этого сделать и этот неоспоримый и возмутительный факт его ещё больше удручал, ещё значительно мучил. В душе Александр Марочкин от бессилия рыдал, бился головой об стену или просто плакал как ребёнок. Если бы в коллективе узнали бы об этом то, по крайней мере, сильно удивились (или вовсе не поверили бы) но не дай Бог разнюхало б начальство... Другого ничего он делать не умел. Учиться же чему-либо в сорок шесть лет — глупо... и совсем не импонировало ему. И вот сейчас он шёл усталый и голодный безо всякого желания домой. Он мечтал, придя в свою двухкомнатную «хрущёвку», наконец завалиться на собственный диван и как можно скорее погрузиться в сон. Жена по времени должна быть уже на работе. Дети — Кирилл и Таня — должно быть тоже уже отправились в школу, и он вяло предвкушал приятный давно забытый им отдых.

С этими мыслями капитан зомбировано поднимался по ступенькам, доставая из единственно сохранившегося в целостности кармана ключи от входной двери квартиры. Привычно щёлкнул замок; привычно отворилась дверь; так же привычно он шагнул в полутёмную прихожую и уже машинально разулся и вылез из плаща. С кухни чем-то повеяло очень вкусным.

— Саша! Не раздевайся, сбегай-ка в булочную за хлебом. Сейчас будем есть... Тока борщ поспел... — в проёме кухонной двери появилась женщина неприметной наружности. Худое, чуть удлинённое лицо под копной небрежно растрёпанных волос с преждевременной сединой дополнялось снизу ныне теперь уже щедедушным станом. Но особенно всё-таки выразительно выделялись — с испуганкой — её огромные серые хоть и несколько поблёклые глаза...

Всё это сейчас предстало перед ним в виде его жены, а ведь когда-то была красавицей... когда-то он до беспамятства был в неё влюблён... Куда всё делось?! Внешне ей было лет этак «сорок с маленьким хвостиком», а, в самом деле, скорее всего наверняка меньше — трудно сразу сказать. Его всегда до колик в животе бесили её слова такие как: сбегай-ка, сделай-ка, принеси-ка... и т. д. и т. п. И вообще в любых смыслах слова как обращение к мальчишке.

— Пошла ты на хрен!.. Я спать хочу, — беззлобно сказал он, и с этими словами еле сдерживая внутреннее возмущение, двинулся в комнату к своему излюбленному дивану.

— Странно, почему-то дома?... — полу про себя полушёпотом удивился он. Абсолютно забыв, что сегодня воскресенье. Хотя сегодня же об этом неоднократно был информирован и это, даже имело по работе какое-то вроде бы там значение, и уже не снимая дальше одежды как был, плюхнулся... и тут же уснул, если бы не вопли разобиженной «супружницы». Зоя (а так по случайности или нарочно звали его супругу) она смогла всего на пару секунд, удержать свою тираду дежурной нецензурной брани. На большее ей не хватило ни терпения, ни тем более каких-то иных способностей.

Да и выражать именно таким образом свои эмоции, она привыкла давно. Ибо где-то ещё в юности прочитала, что якобы с криком вылетают из тела всякие болезни, возникающие от содержащихся в голове дурных мыслей, то есть различные недуги нервного происхождения. С тех пор Зоя Андреевна и практикует этот нетрадиционный метод профилактики заболеваний. И уже не потому, что считает его действительно эффективным, а, просто не ведая или даже не

сознавая как ей вообще по-другому совладать со своими бурными аргументами, не удерживающимися в её «аналитическом» (как она считала) мышлении. Так или иначе, по непонятным причинам, но «язва желудка» тем не менее, только периодически обострялась. Зоя Андреевна уже дважды лежала в стационаре по три недели, где её всячески лечили, но никаких положительных результатов так из этого и не получилось.

Сейчас валяясь в мягкой дрёме с неимоверным желанием уснуть, капитан думал даже к своему некоторому удивлению непременно именно о ней. Несмотря на хроническую усталость и невыносимое теперь — как зубная боль! — желание успокоиться и наконец-таки предаться долгожданному покою он думал всё-таки почему-то о ней... И опять о ней! — мучаясь душой: психуя и рыдая, там, в ней — но не было в нём ни капельки доподлинной злости. Ему её (милую Зоиньку!) до жгучей боли в сердце было сейчас жалко. Были же времена, когда и они были счастливы: молоды и симпатичны или — нет, Юшкин кот! — обязательно красивы.

Прекрасно зная смысловую ядовитость её обычных фраз назубок (которые вообще-то не отличались особой даровитостью и изобретательностью) «Сашка» старался, всячески упорно старался, не вникать в их суть. Не воспринимать их в свой адрес — и главное! — не принимать их близко к сердцу. А слышал он теперь лишь переливчатые интонации её речи — звучащей на удивление даже несколько порой мелодично. Он можно сказать её не слушал совсем и думал исключительно о своём. Ему почему-то ясно вспоминались какие-то на первый взгляд пустяковые моменты из их совместной жизни, какие-то бессмысленные обрывки. Казалось бы, легкомысленные моменты повседневной суеты, но которые так дороги сердцу его, что от них щемило и тоскливо зудело где-то в груди. Он тут же немедленно вдруг осознал что: «...а ведь он и не сможет теперь без неё совсем жить!...»

Вспоминались всякие глупости, но такие нежные и близкие что от умиления хотелось — даже снова плакать только теперь от какой-то трепетной ласковости... Как когда-то, она, ему заглядывая ласково в глаза, как преданная собачонка завязывала такому важному и представительному галстук (потому как он сам не умел этого делать вовсе); он же тогда собирался на очень важную презентацию... Где потом напился и явился оттуда домой только к утру.

Нет, он верен был ей! но за этот поступок ему всегда было как-то неудобно даже стыдно перед Зоинькой. Вспомнился ему вдруг ещё один глупый момент. Как Зоя, чего-то там готовя в кухне, ковыряясь там по-своему, неожиданно, молча, испуганная прибежала с порезанным пальчиком к нему. И виновато показывая его, одним только взглядом объяснила тогда что ей — очень страшно и спасти её может — только он... и никто другой! В глазах её переливалось какое-то непонятно-странное выражение: всегдашней её готовности испытывать боль и вообще постоянно страдать всего лишь ради его микроскопического внимания. Смешно сунув свой окровавленный палец ему под нос, как будто стоило бы ему только глянуть на него, а уж тем более если ещё и дунуть то, конечно же, он заживёт — немедленно заживёт. И он дул... помнит как сейчас... смешно дул... счастливый до жутчайшего — трепетного — волнения от выполнения на тот момент жизни самой важной миссии на земле. И они были счастливы, тогда как дети!

Звуки Зоиного голоса гулким эхом отдавались где-то под потолком. Превращаясь там всего лишь в какую-то отдалённую трескотню. То ли теряя там свою яркость, а то ли преломляясь там и уже ударяясь о стены и потолок, меняли — неведомо как-то — своё направление и где-то вероятно заблудившись совсем, если и долетали до его ушей, то совершенно не приносили ему особых неприятностей. Да и усталость видимо всё-таки давала о себе знать. А трескотня волнами звучала и звучала, то приближаясь, то отдаляясь: как бы укачивая... убаюкивая... Им овладела хмурая и крепкая сила забытья.

Третья глава: Татьяна Ивановна

День начинался прекрасно. Это ночью дождиком слегка побрызгало, зато сейчас всю блестяло солнышко, и совсем не было жарко. Казалось, мир по-весеннему ожил только сегодня. Выйдя из подъезда и проходя мимо чего-то или кого-то азартно обсуждающих тётушек-соседей, Татьяна на удивление самой себе улыбалась, улыбалась искренне и радостно. С каким-то даже очарованием и умилением. Мир казался ей таким прекрасным и добрым что она невольно им восхищалась. Да; действительно у неё сейчас буквально всё (ну как в сказке!) всё на редкость было хорошо. Наконец наладился поток чулочно-носочного производства; наконец все серьёзные вопросы по организации и эксплуатации нового технического оборудования решены, переоборудованы и запущены в поток, а так же произведены основные кадровые перестановки и распределения. Осталось только работать и увеличивать темпы производства и доходов, а самое главное она начинала хоть чуть-чуть мало-помалу понимать, что сама делает. Сбыт, налажен; уже целая куча заказов. Сырьё поступало бесперебойно, поставщики были верные и держали слово. Теперь всё решало только время и терпение. Наконец она очень скоро уже сможет поощрять хорошо работающих тружеников премиями.

И на семейном фронте у них с супругом всё — просто замечательно! Дети здоровы, ходят в школу и радуют своими отметками. Недавно приобрели, наконец, небольшую дачку. Что ещё надо для полного счастья? Она счастливая поздоровалась с женщинами, которые, увидев её с почтением, слегка поклонились ей и многозначительно улыбаясь, проводили взглядами до самого автомобиля, который уже ожидал её как директора фабрики. Она, молча заранее немного приосанившись, кивнула водителю в ответ на его громкое (по-армейски!) приветствие и поудобнее уселась в кресло не обращая, привыкнув — никакого внимания на угодливую суету водителя. Хлипкого человечка сначала открывшего перед ней дверцу, а следом с заискиванием закрывшего её.

Всё это, как уже полгода для неё стало совершенно привычным и абсолютно банальным. С неожиданным карьерным ростом из обыкновенной работницы с мелкими комсомольскими поручениями — до самого директора производства (имея всего лишь среднетехническое образование!) многое постепенно становится вполне привычным. Татьяна уже теперь не обращала никакого внимания на то, что совсем недавно вводило её в робость и жуткую краску или даже приносило ей некий душевный дискомфорт. Да и ей просто по должности теперь необходимо было вести себя должным образом. Как-то так: помпезно, наверное, немного высокомерно и это для неё было, прежде всего, на первых порах самым трудным — и неприятным. Так думалось ей, во всяком случае, теперь.

И эта необходимость излишней рисованности в поведении некоторой вычурной строгости, что ли... её угнетала. Так как она была по своей природе человеком простым и склонным скорее к доброте, а уж тем более ближе к скромному поведению, нежели к какому-нибудь позёрству или барски пренебрежительной важности.

С тех пор уже прошло немало времени как по территории ещё тогда огромной (могучей!) страны начали своё шествие ваучеры («детки» Чубайса) вызвавшие поначалу волнительную «ответственность» к себе в народе, которая чуть позже моментально утратилась в нём, когда выяснился очередной и крупномасштабный обман. Тогда она случайно (или не случайно?) попала, прежде всего, в незнакомо-знакомую для неё (по комсомольской линии) на первый взгляд стихийно создавшуюся компанию «ловких и очень умных» людей. Которые во многом чуть ли не предопределяя события, ввели её — робкую и наивную — в курс разумного использования стечения обстоятельств тогда в свою пользу. Не то чтобы они её чему-то конкретному научили или обещали чего-то там. Всё происходило порой как-то само собой и даже скорее может быть нарочно — на всякий случай — как бы подстраховываясь её мелкостью. Или может быть, она их невольно подкупила своим каким-то несколько «колхозным» (что ли?) обликом (я уж и не знаю право!). Или даже, в конце концов, готовили для себя в будущем, оценив её, какие-то может быть опять же индивидуальные качества... или... в общем-то, я и сам толком

совершенно не ведаю, как там всё получалось. Как говорится: «Знал бы прикуп — жил бы в Сочи».

Она чувствовала, что это всё как-то происходит непросто, так — что это как-то не очень честно. Но с другой-то стороны люди сами продавали за бесценок свои ваучеры (она же, в конце-то концов, не воровала их!) а потому не всё ли равно они их приобретут или кто иной. Она нередко тешила себя только одной мыслью, что она как человек честный и это очень, наоборот прекрасно даже что именно она ведаёт этим делом, а значит обязательно, будет сделано всё с пользой для людей — во благо их! И это её окончательно успокаивало.

А потом закружилось, завертелось всё само по себе — и наконец, вылилось! — в то, что и произошло теперь: она стала полноправным учредителем. Пусть хоть и не единственным, но учредителем (одной из самых крупных в стране) чулочно-носочной фабрики со всем её оборудованием и людьми, работающими на ней. Ну что вот так вот сказать чтобы не вызвать недоверия у читателя: повезло!

Однако ей почему-то всё равно было ужасно неприятно об этом вспоминать и думать. Она себя чувствовала подсознательно так — будто бы однажды взявшей огромную сумму денег в долг у всего населения страны. Не знаю, может быть, это в ней совесть играла или — ещё чего?.. Не знаю! Трудно сказать, но теперь, так или иначе... Она — Татьяна Ивановна не то чтобы совершенно не осмысленно, но как-то уж слишком неожиданно-негаданно стала вдруг директором — и даже не только! К тому же ещё, будучи человеком ни на йоту не разбирающимся на руководящем поприще — без всякого опыта; единственное благо, что только советчиков и помощников как впоследствии выяснилось, появилось в достатке, хоть отбавляй.

Трудно ей было особенно поначалу наблюдать себя в виде крупного собственника. Собственников то бишь буржуев она видела в детстве только по телевизору и то — в кино... И отношение у неё было к таким людям несколько предвзятым. Будучи ещё маленькой девочкой, она считала их заразившимися страшной болезнью (ей было жалко их!). И теперь подсознательно она чувствовала себя несколько ущерблённой. Но, тем не менее, материальная денежная поддержка, которую теперь получала её семья, как-то иначе выворачивала и выпячивала факты, приносящие явную пользу. Правда она ещё не знала и не могла себе даже представить всю масштабность своего материального благополучия. Поэтому-то они и поторопились приобрести эту теперь уж для её нынешних мерок — так себе — дачку. Хотя та — уже совершенно немыслимо велика хотя бы для тех их, — каковыми нищими они были раньше. А главное, я ещё раз повторюсь — всех тех тонкостей, я, разумеется, не знаю, да и не мог бы знать. Она приобрела для себя «новых друзей» (и продолжала приобретать!) или даже если можно так выразиться — «покровителей!». Но опять же снова никак не соображу, подходят ли те определения для этих субъектов или не подходят и кем они на самом деле являются для неё. Это ещё своего рода загадка — разгадку, на которую надо искать в будущем.

Сейчас она ехала как обычно на работу. Опять можно сказать по старой привычке даже (до забавного!) боялась опоздать. Потому что резко поменявшийся мир — в стране — не мог так же быстро поменять её мировоззрение и вообще её менталитет. В душе она по-прежнему оставалась всё той же девушкой-комсомолкой просто работницей привыкшей больше выполнять определённые манипуляции, нежели думать головой. А теперь? В принципе, рабочие и младший руководящий состав фабрики и без неё прекрасно были посвящены в тайны выполняемой работы и прекрасно могли бы обойтись без неё. Чего собственно и делали. А вот все самые серьёзные вопросы той же фабрики они (как соучредители или собственники) решали, конечно же, коллегиально: периодически встречаясь и совещаясь...

Татьяна Ивановна, пока белая «Волга» неслась по главному проспекту, доставляя её на работу, думала совершенно о своём. Водителя она не слушала, несмотря на то, что тот о чём-то оживлённо и деловито рассусоливал. О чём-то там: хохотал, небрежно и энергично жестикулировал руками и при всём притом весьма умело управлялся с авто. Она же на сей момент

была в неимоверном состоянии релаксации... В какой-то странной даже умопомрачительной, скорее всего эйфории и при всём при этом исключительно думала (или мечтала?) только о своей семье — в особенности о детях.

Вихрем автомобиль подлетел к административному зданию. Вихрем, «водила» выскочил из автомобиля и, обежав кругом, уважительно распахнул дверцу. Татьяна Ивановна несколько вальяжно выбралась на улицу. Казалось бы, не обращая никакого внимания на то, что будет потом с той же дверцей, да и вообще с автомобилем. Когда Татьяна Ивановна оказалась уже на улице то к ней тут же неожиданно, как будто из ниоткуда выбравшись, подбежала её молоденькая секретарь Юленька (дочь одноклассницы и подружки тех лет). Она её вне сомнения не ожидала совсем тут встретить потому, как она привыкла её встречать завсегда у дверей своего кабинета, где они разлюбезно «здоровкались» после чего обычно начинался рабочий день.

А тут — на тебе!.. Вся почему-то взъерошенная какая-то, всклокоченная и явно чем-то: то ли озабоченная, то ли расстроенная и даже немного отчего-то заплаканная. Правда директриса ещё пока толком не придавала всему тому значения. Она даже мельком в первое мгновение подумала: у девочки вероятно зуб разболелся и вот она хочет, отпроситься — вылечить его. Так думала поначалу она, не отрываясь от своих текущих мечтаний. Но, так или иначе, та настойчиво подступала к ней. И то ли не умеючи как, а то ли переволновавшись тотчас отчего-то или пока ждала-ждала директора, терпела, а дождавшись — не вовремя захотела срочно в туалет. Во всяком случае, сейчас она нетерпеливо притоптывая, чего-то говорила и говорила. А директриса, тупо улыбаясь, совершенно не слушала её, а только при этом не осмысленно кивала головой. Наконец, до неё отдалённо стал доходить смысл некоторых слов, которые Юленька в сильном своём таком волнении, не умела как-то увязать между собой. Но усердно стараясь всё-таки, втискивала их как необходимую информацию. И Татьяну Ивановну как-то вдруг сначала посетило лёгкое недоумение, а потом уже совершенно непонятное до сих пор, ещё никогда ранее не посещавшее её, уязвлённое собственническое ощущение.

Она уловила ключевые слова: наглые люди, бесцеремонно ведут себя, требуют вас... Любопытством это состояние не назовёшь; не назвать его и страхом. Скорее, в общем, в ней появился некий демон. Частный собственник, — который, несомненно, был теперь взбешён таким хамским поведением чужаков на его территории. И она, тут совершенно не испугавшись, а, дерзко хмыкнув, двинула всем телом вперёд. Почти ненароком оттолкнув Юленьку в сторону, понеслась к своему кабинету, как толпа при взятии «Зимнего дворца». Она ворвалась, ворвалась как ураган в помещение. Готовая, увидев беспорядки, немедленно вышвырнуть любого тут же. Но к её удивлению в помещениях было всё в порядке. Кроме того, что её ожидал вполне милый молодой человек. Сразу видно, что спортсмен: не пьющий, не курящий, элегантно облачён в прекрасный спортивный костюм «adidas» и всё... Никаких более наглов, «бесцеремонников» или ещё каких-то там отвратительных личностей. Увидев её, тот с достоинством встал, но, как настоящий джентльмен, подойдя к ней, учтиво преклонил голову и совсем так скромненько и вежливо проговорил:

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна, а мы как раз вас и ожидаем...

Татьяна Ивановна мельком оглянулась кругом, но никого больше не увидев, решила, что это просто такая манера выражаться. Конечно же, не заметив тут больше ничего предрассудительного, улыбнулась (мужчина явно ей импонировал!) и в своё время, тоже с аналогичным достоинством молвила:

— Здравствуйте, проходите...

Открывая ключом дверь кабинета, и совершенно уже успокоившись и даже несколько сконфузившись от своих предшествующих мыслей, она была чуть-чуть раздосадована той утрированной — панической! — информацией Юленьки и подумывала уже даже после сделать ей некий маленький нагоняй по этому поводу...

Четвёртая глава: Волчара

Он рос хорошим и добрым мальчиком. Его величали Славой. Вообще у него с детства было какое-то навязчивое чувство справедливости. При его физической несостоятельности, ибо мальчик рос весьма болезненным и хилым — у него почему-то тогда в детском возрасте постоянно возникали какие-нибудь проблемы со сверстниками. Вечно он с кем-то чего-то не поделит! Даже поэтому, наверное, его родителям — Сергею Никифоровичу и Марии Ильиничне — пришлось, в конце концов, отказаться от посещения Славиком детского сада. Ну, да и сами посудите какой тут садик, когда ребёнок опрометью юркал с жуткими визгами при малейшем упоминании о таковом под кровать и ни при каких обстоятельствах и уговорах не хотел, оттуда вылезать.

Волей-неволей родителям пришлось после недельного мытарства все-таки, наконец, в одно «прекрасное» утро договариваться с соседкой тётей Глашей (в то время к счастью уже пенсионеркой) о том, чтобы она присматривала за непокорным мальчишкой. Им же (то есть родителям) как и всем нормальным советским гражданам того времени необходимо было обязательно идти на работу и никуда от этого нельзя было деться. У тёти Глаши своих хлопот хватало и поэтому Слава, можно сказать, полностью был предоставлен самому себе. Она лишь приходила к нему для того, чтобы покормить и сразу же уходила. Мальчик самостоятельно в полном одиночестве развивался: лепил из пластилина всякие игрушки (танки, машинки, солдатики и т. д. и т. п.) рисовал и фантазировал на мнимых полях боёв те или иные сюжеты — раскладывая порой целые панорамы. После, он даже поджигал эти пластилиновые танки на чугунной плите и очарованный наблюдал, как те сгорали. Так как мальчиком он был по природе своей довольно-таки осторожным и смыслённым опасности особой для квартиры он не представлял, да и родители ничего не замечали, так как он всё тщательно перед их приходом прибирал.

Позже школа, где у него опять были свои проблемы только теперь уже с одноклассниками. Должного опыта во взаимоотношениях с другими детьми у него не было: то бишь с теми же девочками, которых он ужасно стеснялся и даже до странности терялся при общении с ними (чем веселил порой весь класс!); а с теми же мальчиками вообще постоянно дело почему-то обязательно доходило до драк после уроков. Да и с преподавателями у него тоже мало чего получалось. Когда он учился ещё в первом классе, он частенько прятался под партой от излишне взволнованного внимания учителем на его шалости, чем в свою очередь снова весьма забавлял тот же класс. Будучи человеком обидчивым или чересчур остро восприимчивым ко всяким своего рода относящимся к его персоне шуточкам. И вполне может быть даже тогда с заболевавшим уже самолюбием, потому как он часто не по делу конфузился при всеобщем смехе над ним, выказывая этим полное порой отсутствие у себя элементарного чувства юмора (ну, не понимая его!). Иной раз чрезмерно реагировал на пустые мелочи. Тем, выставя себя сызнова, не с самой симпатичной стороны и бывало ещё при этом начинал к тому же вообще ни, кстати, почему-то плакать, чем заразительно возбуждал оживлённое злорадство у присутствующих ребятишек. В общем, он всегда был субъектом насмешек и издевательств.

На третий год обучения в школе он записался в спортивную секцию классической борьбы. Куда ездил потом самостоятельно в другой конец города до трёх раз в неделю. Ему хотелось как можно быстрее стать «самым сильным», чтобы всегда уметь за себя постоять и не от кого не зависеть. Ввиду его усердия результаты не замедлили сказаться. В ближайшей скорости Слава начал выступая на все различных соревнованиях добиваться некоторых значительных успехов.

Так что впоследствии, будучи призванным или типа того уже вступив в ряды советской армии, он по сути своей был довольно-таки физически подготовлен, более того он был уже в отличной спортивной форме. Даже вдобавок ко всему был конкретно перворазрядником и

подавал теперь, бесспорно, большие надежды в спорте. И если бы не семейные проблемы: развод матушки и отца, который не то чтобы уж слишком с болью отразился в юношеском сердце, но и доброго-то конечно ничего не принёс. Кроме некой нервной суеты, которая все-таки пусть косвенно, но повлияла на его спортивную карьеру. Дело в том, что если бы он был призван в армию с прежнего места жительства, он непременно попал бы в «спортроту». А следовательно, не произошло бы того двухлетнего перерыва в его спортивной карьере, а именно этого-то самого срока оказалось вполне достаточно, чтобы он несколько охладел к единоборствам. Но так как матушка, следом за разводом не вынося ни физически, ни морально жизни вблизи с бывшим супругом в одном городе — соизволила тут же поменять место жительства, а сын не смог матушку оставить одну в чужом городе, таким образом, вынужден был переехать вместе с ней.

В связи с чем, через полгода был призван в армию уже теперь на общих основаниях. Так или иначе, служил он легко. Привыкший к самостоятельности и более того к постоянному самоутверждению ибо эта привычка брала начало с самого начала его сознательной жизни — он легко самоутвердился в мужском обществе с помощью силы даже не применив её ни разу в целях самозащиты. У него волей-неволей как-то всегда получалось везде самоутверждаться и не иначе...

Пока он служил, кое-что опять поменялось на «гражданке» в частности в семье или в том, что от неё оставалось. Отец в другой наскоро им созданной семье скоропостижно скончался. Вдобавок матушкин тройной квартирный обмен аннулировался по претензиям какой-то из сторон. То есть матушка без него должна была возвратиться на прежнее местожительство. О чём она, в общем-то, формально спрашивалась в письме у сына, но получив от него совершенно любой отклик всё равно бы переехала. То бишь из армии он снова вернулся уже в свой родной город и опять продолжил свои занятия спортом в той же секции у того же тренера. Кроме того, хорошо отслужив в армии, он оттуда ещё получил направление, то есть ходатайство армейского руководства о поступлении его в высшее учебное заведение. Так что Вячеслав тут же поступил в педагогический институт на физкультурный факультет. Таким образом, потихонечку начинали сбываться его давние планы. Он надеялся в скором будущем самоутвердиться в роли тренера по той же самой классической борьбе. Не торопясь надеялся, подыскать себе хорошую жену и зажить, спокойно воспитывая своих и тренируя чужих детей. Впрочем, такие у него были мечты и планы — на что, собственно говоря, он имел полное право.

Будучи на втором курсе он, наконец, повстречал премиленькую девушку, с которой учился теперь на одном курсе, и которая перевелась сюда откуда-то с другого института. Сейчас уже и неважно именно из какого. Между ними сначала завязалась дружба, а потом образовалась и чистая любовь. Чуть позже уже на третьем курсе та неожиданно забеременела, ускорив тем самым фактом их законное обручение и они, наконец, решили расписаться. Девушка (Нина) была сиротой только-только можно сказать из детдома.

Матушка, любившая сына до умопомрачения, была категорически против их бракосочетания. Предпочитая сыну более удачного брака. Но, несмотря на это, они всё равно поженились и стали жить отдельно от матушки — у Нины. Сирота имела свою комнатку в общежитии, где они и обитали, пока матушка не смирилась с этой ситуацией и наконец, всё-таки не позвала их жить к себе. Трудно сказать, что именно повлияло на дальнейшую их судьбу. То ли родившийся ребёнок (девочка Катенька) и возникшие при этом новые трудности, постоянно обостряющие их психологические несоответствия, а то ли участвовавшие ссоры матушки и невестки. Или может быть скорей всего всё-таки изнуряющая бесконечная нищета. Потому, они очень скоро развелись и тут же возникли сразу в огромном количестве новые гадости, которые уже теперь висели над Вячеславом «дамокловым мечом».

Его душа разрывалась на части! Матушку положили в больницу с тяжёлым инфарктом миокарда; Нина с Катенькой переселились и уже жили в общежитии. Нина категорически не

хотела с ним мириться, и всячески препятствовала общению дочери с отцом. Она демонстративно публично обзывала его «тряпкой», «никчёмным мужчинкой» и открыто смеялась над ним как над «маменькиным сынком». Позже, Нина, бросив очное обучение, перевелась на заочное обучение. У неё какое-то вроде как бы врождённое было противостояние мужу. В замужестве она сама порой не понимала, почему её бесили все его привычки. Вообще, всё его поведение почему-то всегда до безумия её раздражало. В общем, в прямом смысле они сосуществовали как кошка с собакой.

Вячеслав стал невероятно тоже раздражителен, как будто заразился от Нины этой раздражительностью. Кроме того ему просто-напросто пришлось бросить в конце концов своё обучение в институте и пойти работать чтобы хоть как-то помочь строптивой бывшей жене воспитывать дочку. К тому же ещё хоть как-то помочь бедной матушке выздороветь. Льготных лекарств бесплатных почему-то постоянно не было, а покупать за деньги им было слишком дорого. Он согласен был на любую работу, — и работал: грузчиком, дворником и снова грузчиком одновременно. Больше он никуда не мог устроиться, везде требовались документы, то или иное специальное образование и т. д. и т. п. Он бы мог легко работать со своими способностями и электриком и слесарем-сантехником, но у него не было соответствующего образования, а без него по закону — он ноль. Полгода ходить в учениках с мизерным окладом он тоже не мог. Тренировки пришлось забросить уже давно. Матушка, без необходимых лекарств вот-вот могла умереть и оставить его... Крепкий, очень сильный физически мужчина почти рыдал у постели родительницы. Страдал: от бессилия и безысходности.

Тем временем повсюду уже кипела «перестройка». Но кипела она, пока как-то в стороне не затрагивая Вячеслава. Он вообще долгое время заковырявшись в своих рабочих буднях в погоне за копейками, казалось, не замечал того, что происходило в тот момент вокруг. И только однажды придя на толкучку (вещевой рынок того времени), чтобы приобрести в подарок на день рождения дочке ботиночки он неожиданно даже для самого себя как бы «проснулся». Всё дело в том, что он случайно встретил там своих давних товарищей, спортсменов (которые только-только укрепились в занятиях там рэкето́м) и разговорился с ними. Они с величайшим удовольствием, поделились с ним, каким образом зарабатывают тут хорошие деньги. «Абсолютно ничего не делаая», а только в «охранном» порядке в своём виде исполняют роль «крыши». В свою очередь, сообщив между тем что: «...на этом рынке кроме нас никого не может быть с подобными претензиями потому как... да, дескать, сам увидишь, если согласишься работать с нами». Да; он, разумеется, согласился — всё ещё пока не очень-то веря им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.